

Вскоре после женитьбы я купил в Паддингтоне практику у доктора Фаркера. Старый доктор некогда имел множество пациентов, но потом вследствие болезни - он страдал чем-то вроде пляски святого Витта, - а также преклонных лет их число заметно поуменьшилось. Ведь люди, и это понятно, предпочитают лечиться у того, кто сам здоров, и мало доверяют медицинским познаниям человека, который не может исцелить даже самого себя. И чем хуже становилось здоровье моего предшественника, тем в больший упадок приходила его практика, и к тому моменту, когда я купил ее, она приносила вместо прежних тысячи двухсот немногим больше трехсот фунтов в год. Но я положился на свою молодость и энергию и не сомневался, что через год-другой от пациентов не будет отбою.

Первые три месяца, как я поселился в Паддингтоне, я был очень занят и совсем не виделся со своим другом Шерлоком Холмсом. Зайти к нему на Бейкер-стрит у меня не было времени, а сам он если и выходил куда, то только по делу. Поэтому я очень обрадовался, когда однажды июньским утром, читая после завтрака "Британский медицинский вестник", услышал в передней звонок и вслед за тем резкий голос моего старого друга.

- А, мой дорогой Уотсон, - сказал он, войдя в комнату, - рад вас видеть! Надеюсь, миссис Уотсон уже оправилась после тех потрясений, что пришлось нам пережить в деле со "Знаком четырех".

- Благодарю вас, она чувствует себя превосходно, - ответил я, горячо пожимая ему руку.

- Надеюсь также, - продолжал Шерлок Холмс, усаживаясь в качалку, - занятия медициной еще не совсем отбили у вас интерес к нашим маленьким загадкам?

- Напротив! - воскликнул я. - Не далее, как вчера вечером, я разбирал свои старые заметки, а некоторые даже перечитал.

- Надеюсь, вы не считаете свою коллекцию завершенной?

- Разумеется, нет! Я бы очень хотел еще пополнить ее.

- Скажем, сегодня?

- Пусть даже сегодня.

- Даже если придется ехать в Бирмингем?

- Куда хотите.

- А практика?

- Что практика? Попрошу соседа, он примет моих пациентов. Я ведь подменяю его, когда он уезжает.

- Ну и прекрасно, - сказал Шерлок Холмс, откидываясь в качалке и бросая на меня пронизательный взгляд из-под полуопущенных век. - Эге, да вы, я вижу, были больны. Простуда летом - вещь довольно противная.

- Вы правы. На той неделе я сильно простудился и целых три дня сидел дома. Но мне казалось, от болезни теперь уже не осталось и следа.

- Это верно, вид у вас вполне здоровый.

- Как же вы догадались, что я болел?

- Мой дорогой Уотсон, вы же знаете мой метод.

- Метод логических умозаключений?

- Разумеется.

- С чего же вы начали?

- С ваших домашних туфель.

Я взглянул на новые кожаные туфли, которые были на моих ногах.

- Но что по этим туфлям... - начал было я, но Холмс ответил на вопрос прежде, чем я успел его закончить.

- Туфли ваши новые, - разъяснил он. - Вы их носите не больше двух недель, а подошвы, которые вы сейчас выставили напоказ, уже подгорели.

Вначале я подумал, что вы их промочили, а затем, когда сушили, сожгли. Но

потом я заметил у самых каблуков бумажные ярлычки с клеймом магазина. От

воды они наверняка бы отсырели. Значит, вы сидели у камина, вытянув ноги к

самому огню, что вряд ли кто, будь он здоров, стал бы делать даже в

такое сырое и холодное лето, какое выдалось в этом году.

Как всегда, после объяснений Шерлока Холмса, все оказалось очень

просто. Холмс, прочтя эту мысль на моем лице, грустно улыбнулся.

- Боюсь, что мои объяснения приносят мне только вред, - заметил он.

-

Одни следствия без причины действуют на воображении гораздо сильнее...

Ну,

вы готовы со мной в Бирмингем?

- Конечно. А что там за дело?

- Все узнаете по дороге. Внизу нас ждет экипаж и клиент. Едемте.

- Одну минуту.

Я черкнул записку своему соседу, забежал наверх к жене, чтобы

предупредить ее об отъезде, и догнал Холмса на крыльце.

- Ваш сосед тоже врач? - спросил он, кивнув на медную дощечку на

соседней двери.

- Да, он купил практику одновременно со мной.

- И давно она существует?

- Столько же, сколько моя. С тех пор, как построили эти дома.
- Вы купили лучшую.
- Да. Но как вы об этом узнали?
- По ступенькам, мой дорогой Уотсон. Ваши ступеньки сильно

стерты подошвами, так, что каждая на три дюйма ниже, чем у соседа. А вот и наш клиент. Мистер Холл Пикрофт, позвольте мне представить вам моего друга, доктора Уотсона, - сказал Холмс. - Эй, кэбмен, - добавил он, - подстегните-ка лошадей, мы опаздываем на поезд.

Я уселся напротив Пикрофта.

Это был высокий, хорошо сложенный молодой человек с открытым, добродушным лицом и светлыми закрученными усиками. На нем был блестящий цилиндр и аккуратный черный костюм, придавший ему вид щеголеватого клерка из Сити, как оно и было на самом деле. Он принадлежал к тому сорту людей, которых у нас называют "кокни" [1], но которые дают нам столько прекрасных солдат-волонтеров, а также отличных спортсменов, как ни одно сословие английского королевства. Его круглое румяное лицо было от природы веселым, но сейчас уголки его губ опустились, и это придало ему слегка комический вид. Какая беда привела его к Шерлоку Холмсу, я узнал, только когда мы уселись в вагон первого класса и поезд тронулся.

- Итак, - сказал Холмс, - у нас впереди больше часа свободного времени. Мистер Пикрофт, расскажите, пожалуйста, моему другу о своем приключении, как вы его рассказывали мне, а если можно, то и подробнее. Мне тоже будет полезно проследить еще раз ход событий. Дело, Уотсон, может оказаться пустяковым, но в нем есть некоторые довольно интересные обстоятельства, которые вы, как и я, так любите. Итак, мистер Пикрофт, начинайте. Я не буду прерывать вас больше.

Наш спутник взглянул на меня, и глаза его загорелись.

- Самое неприятное в этой истории то, - начал он, - что я в ней выгляжу полнейшим дураком. Правда, может, все еще обойдется. Да, признаться, я и не мог поступить иначе. Но если я и этого места лишусь, не получив ничего взамен, то и выйдет, что нет на свете другого такого

дурака, как я. Хотя я и не мастер рассказывать, но послушайте, что произошло.

Служил я в маклерской фирме "Коксон и Вудхаус" в Дрейпер-Гарденсе, но весной этого года лопнул венесуэльский займ, - вы, конечно, об этом слышали, - и фирма обанкротилась. Всех служащих, двадцать семь человек, разумеется, уволили. Работал я у них пять лет, и, когда разразилась гроза, старик Коксон дал мне блестящую характеристику. Я начал искать новое место, сунулся туда, сюда, но таких горемык, как я, везде было полно.

Положение было отчаянное. У Коксона я получал в неделю три фунта стерлингов и за пять лет накопил семьдесят фунтов, но эти деньги, как и все на свете, подошли к концу. И вот я дошел до того, что не осталось денег даже на марки и конверты, чтобы писать по объявлениям. Я истрепал всю обувь, обивая пороги различных фирм, но найти работы не мог.

Когда я уже совсем потерял надежду, то услышал о вакантной должности в большом банкирском доме "Мейсон и Уильямсы" на Ломбард-стрит. Смею предположить, что вы мало знакомы с деловой частью Лондона, но можете поверить, что это один из самых богатых и солидных банков. Обращаться с предложением своих услуг следовало только почтой. Я послал им заявление вместе с характеристикой безо всякой надежды на успех. И вдруг обратной почтой получаю ответ, что в ближайший понедельник могу приступить к исполнению своих новых обязанностей. Как это случилось, никто не мог объяснить. Говорят, что в таких случаях управляющий просто сует руку в кучу заявлений и вытаскивает наугад первое попавшееся, вот и все. Но, так или иначе, мне повезло, и я никогда так не радовался, как на сей раз. Жалованье у них в неделю было даже больше на один фунт, а обязанности мало чем отличались от тех, что я исполнял у Коксона.

Теперь я подхожу к самой удивительной части моей истории. Надо вам сказать, что я снимаю квартиру за Хемпстедом: Потерс-стрит, 17. В тот самый вечер, когда пришло это приятное письмо, я сидел дома и курил

трубку. Вдруг входит квартирная хозяйка и подает визитную карточку, на которой напечатано: "Артур Пиннер, финансовый агент". Я никогда прежде о таком не слышал и не представлял, зачем я ему понадобился, однако попросил хозяйку пригласить его наверх. Вошел среднего роста темноглазый брюнет, с черной бородой и лоснящимся носом. Походка у него была быстрая, речь отрывистая, как у человека, привыкшего дорожить временем.

- Мистер Пикрофт, если не ошибаюсь? - спросил он.

- Да, сэр, - ответил я, предлагая стул.

- Раньше служили у Коксона?

- Да, сэр.

- А сейчас поступили в банкирский дом Мейсонов?

- Совершенно верно.

- Так-с, - произнес он. - Видите ли, я слышал, что вы обладаете незаурядными деловыми способностями. Вас очень хвалил мне Паркер, бывший управляющий у Коксона.

Я, разумеется, был весьма польщен, услышав столь лестный о себе отзыв. Я всегда хорошо справлялся со своими обязанностями у Коксона, но

мне и в голову не приходило, что в Сити идут обо мне такие разговоры.

- У вас хорошая память? - спросил затем Пиннер.

- Неплохая, - ответил я скромно.

- Вы следили за курсом бумаг последнее время?

- Безусловно! Я каждой утро просматриваю "Биржевые ведомости".

- Удивительное прилежание? - воскликнул он. - Вот где

источник

всякого успеха! Если не возражаете, я вас немного позкзаменую. Скажите,

каков курс Эйширских акций?

- От ста пяти до ста пяти с четвертью.

- А Объединенных новозеландских?

- Сто четыре.

- Хорошо, а Брокенхиллских английских?

- От ста семи до ста семи с половиной.

- Великолепно! - вскричал он. - Просто замечательно. Таким я вас

и

представлял себе. Мальчик мой, вы созданы для большего, чем быть простым

клерком у Мейсонов!

Его восторг, как вы понимаете, меня, конечно, несколько смутил.

- Так-то оно так, мистер Пиннер, - сказал я, - но не все обо мне

такого высокого мнения. Я не один день побегал, пока нашел эту вакансию. И

я очень рад ей.

- Ах, Господи, что это вы говорите! Разве ваше место там?

Вот

послушайте, что я вам скажу. Правда, я не могу предложить вам уже сейчас место, которое вы заслуживаете, но в сравнении с Мейсонами это небо и земля. Когда вы начинаете работать у Мейсонов?

- В понедельник.

- Хм-м, готов биться об заклад, что вы туда не пойдете.

- Что, не пойду к Мейсонам?!

- Вот именно, мой дорогой. К этому времени вы уже будете работать

коммерческим директором Франко-Мидланской компании скобяных изделий, имеющей сто тридцать четыре отделения в различных городах и селах Франции, не считая Брюсселя и Сан-Ремо.

У меня даже дыхание перехватило.

- Но я никогда не слышал об этой компании, - пробормотал я.

- Очень может быть. Мы не кричим о себе на каждом углу, капитал фирмы целиком составляют частные вклады, а дела идут так хорошо, что реклама просто ни к чему. Генеральный директор фирмы - мой брат Гарри Пиннер, он же и основал ее. Зная, что я еду в Лондон, он попросил меня подыскать ему расторопного помощника - молодого человека, способного и делового, с хорошими рекомендациями. Паркер рассказал мне о вас, и вот я здесь. Для начала мы можем предложить вам всего каких-то пятьсот фунтов в год, но в дальнейшем...

- Пятьсот фунтов!? - вскричал я, пораженный.

- Это для начала. Кроме того, вы будете получать один процент комиссионных с каждого нового контракта, и, можете поверить мне, ваше жалованье удвоится.

- Но я ничего не смыслю в скобяных изделиях.

- Зато вы смыслите в бухгалтерии.

Голова моя закружилась, и я едва усидел на месте. Но вдруг в душу мою закралось сомнение.

- Я буду откровенен с вами, сэр, - сказал я. - Мейсоны положили мне двести фунтов в год, но фирма "Мейсон и Уильямсы" - дело верное. А о вас я ровно ничего...

- Вы просто прелесть! - вскричал мой гость в восторге. - Именно такой человек нам и нужен. Вас не проведешь. И это очень хорошо. Вот вам сто фунтов, и если считаете, что дело сделано, смело кладите их в свой карман

в качестве аванса.

- Это очень большая сумма, - сказал я. - Когда я должен приступить к работе?

- Поезжайте завтра утром в Бирмингем, - ответил он. - И в час приходите во временную контору фирмы на Корпорейшн-стрит, дом 126. Я дам вам письмо моему брату. Нужно его согласие. Но, между нами говоря, я считаю ваше назначение решенным.

- Не знаю, как и благодарить вас, мистер Пиннер, - сказал я.

- Пустое, мой мальчик. Вы должны благодарить только самого себя.

А теперь еще один-два пункта, - так, чистая формальность, но это необходимо уладить. Есть у вас бумага? Будьте добры, напишите на ней: "Согласен поступить на должность коммерческого директора во Франко-Мидландскую компанию скобяных изделий с годовым жалованьем 500 фунтов".

Я написал то, что мистер Пиннер продиктовал мне, и он положил бумагу в карман.

- И еще один вопрос, - сказал он. - Как вы думаете поступить с Мейсонами?

На радостях я совсем было о них забыл.

- Напишу им о своем отказе от места, - ответил я.

- По-моему, этого делать не надо. Я был у Мейсона и поссорился из-за вас с его управляющим. Я зашел к нему навести о вас справки, а он стал кричать, что я сманиваю его людей и тому подобное. Ну я и не выдержал.

"Если вы хотите держать хороших работников, платите им как следует", -

сказал я в сердцах. А он мне ответил, что вы предпочитаете служить у них на маленьком жалованье, чем у нас на большом.

"Ставлю пять фунтов, - сказал я, - что, когда я предложу ему место коммерческого директора у нас, он даже не напишет вам о своем отказе".

"Идет! - воскликнул он. - Мы его, можно сказать, из петли вытащили, и он от нас не откажется!" Это точные его слова.

- Каков нахал! - возмутился я. - Я его и в глаза не видел, а он смеет говорить обо мне такие вещи... Да я теперь ни за что не напишу им, хоть умоляйте меня!

- Ну и прекрасно. Так, значит, по рукам, - сказал он, поднимаясь со

стула. - Я рад, что нашел брату хорошего помощника. Вот вам сто фунтов, а вот и письмо. Запомните адрес: Корпорейшн-стрит, 126; не забудьте: завтра в час. Спокойной ночи, и пусть счастье всегда сопутствует вам, как вы того заслужили.

Вот, насколько я помню, какой у нас произошел разговор. Можете себе представить, доктор Уотсон, как я обрадовался этому предложению. Я не спал до полуночи, взволнованный блестящей перспективой, и на следующий день выехал в Бирмингем самым ранним поездом. По приезде я оставил вещи в гостинице на Нью-стрит, а сам отправился пешком по данному адресу.

До назначенного срока оставалось около четверти часа, но я подумал, что ничего не случится, если я приду раньше. Дом 126 оказался большим пассажем, в конце которого по обе стороны располагались два больших магазина, за одним виднелась лестница, наподобие винтовой, куда выходили двери различных контор и отделений местных фирм.

Внизу, в начале лестницы, висел на стене большой указатель с названием фирм, но как я ни искал, а "Франко-Мидландской" там не оказалось. Сердце мое упало, и я несколько минут стоял возле указателя, тупо разглядывая его и спрашивая себя, кто и зачем вздумал разыграть меня таким нелепым образом, как вдруг ко мне подошел незнакомец - точная копия моего вчерашнего посетителя, только этот был чисто выбрит, и волосы у него были чуть посветлее.

- Мистер Пикрофт? - спросил он меня.

- Да, - ответил я.

- Я ждал вас, но вы пришли немного раньше. Сегодня утром мне передали письмо от моего брата. Он очень вас хвалит.

- Я искал на указателе мою будущую фирму, когда вы подошли.

- У нас пока еще нет вывески, мы только на прошлой неделе сняли это помещение. Ну что же, идемте наверх, там и переговорим.

Мы поднялись по лестнице чуть не под самую крышу и очутились в пустой и грязной комнатке, ободранной и обшарпанной, из которой вела дверь в другую, такую же. Надеюсь увидеть большую контору с рядами сверкающих

столов и кучей клерков, я оторопело оглядел голое окно без штор или занавесок, две сосновые табуретки и маленький стол, которые вместе со счетами и корзиной для бумаг составляли всю обстановку.

- Мистер Пикрофт, пусть вас не смущает наше скромное помещение, - подбодрил меня мой новый начальник, заметив мое вытянувшееся лицо, - Рим не сразу строился. Наша фирма достаточно богата, но мы не швыряем деньги на ветер. Прошу вас, садитесь и давайте ваше письмо.

Я протянул ему письмо, которое он внимательно прочел.

- О, да вы произвели сильное впечатление на моего брата Артура, - заметил он. - А брат мой, - человек проницательный. Правда, он меряет людей по лондонской мерке, а я - по своей, бирмингемской. Но на этот раз я последую его совету. Считайте себя с сегодняшнего дня принятым на службу в нашу контору.

- Каковы будут мои обязанности? - спросил я.

- Вы будете скоро заведовать большим филиалом нашей компании в Париже, который имеет во Франции сто тридцать четыре отделения и будет распространять английскую керамику по всей стране. Оформление торговых заказов заканчивается в ближайшие дни. А пока вы останетесь в Бирмингеме и будете делать свое дело здесь.

- Что именно? - спросил я.

Вместо ответа он достал из ящика стола большую книгу в красном переплете.

- Это справочник города Парижа, - сказал он, - с указанием рода занятий его жителей. Возьмите его домой и выпишите всех торговцев железоскобяными изделиями с их адресами. Это нам крайне необходимо.

- Но ведь, наверное, есть специальные справочники по профессиям, - заметил я.

- Они очень неудобны. Французская система отличается от нашей. Словом, берите этот справочник и в следующий понедельник к двенадцати часам принесите мне готовый список. До свидания, мистер Пикрофт. Я уверен, что вам понравится у нас, если, конечно, вы и впредь будете усердны и сообразительны.

С книгой в руках я вернулся в отель; душу мою обуревали самые противоречивые чувства. С одной стороны, меня окончательно приняли на работу, и в моем кармане лежало сто фунтов. С другой - жалкий вид конторы, отсутствие вывески на стене и другие мелочи, сразу бросающиеся в глаза человеку, опытному в банковских делах, заставляли меня призадуматься о финансовом положении моих новых хозяев. Но будь что будет - аванс я получил, надо приниматься за работу. Все воскресенье я усердно трудился, и тем не менее к понедельнику я дошел только до буквы "Н". Я отправился к своему новому шефу и застал его все в той же ободранной комнате; он велел мне продолжать списывать парижских жестянщиков и прийти с готовой работой в среду. Но и в среду работа все еще не была окончена. Я корпел над списком вплоть до пятницы, то есть до вчерашнего дня. Вчера я наконец принес Пиннеру готовый список.

- Благодарю вас, - сказал он. - Боюсь, что я недооценил трудностей задачи. Этот список мне будет очень полезен.

- Да, над этим пришлось изрядно попотеть, - заметил я.

- А теперь, - заявил он, - я попрошу вас составить список мебельных

магазинов, они также занимаются продажей керамики.

- Хорошо.

- Приходите в контору завтра к семи часам вечера, чтобы я знал, как идут дела. Но не переутомляйтесь. Пойдите вечером в мюзик-холл. Я думаю, это не повредит ни вам, ни вашей работе.

Сказав это, он рассмеялся, и я, к своему ужасу, вдруг заметил на его нижнем втором слева зубе плохо наложенную золотую пломбу.

Шерлок Холмс даже руки потер от удовольствия, я же слушал нашего клиента, недоумевая.

- Ваше недоумение понятно, доктор Уотсон, - сказал Пикрофт. - Вы просто не знаете всех обстоятельств дела. Помните, в Лондоне я разговаривал с братом моего хозяина? Так вот, у него во рту была точно такая же золотая пломба. Я обратил на нее внимание, когда он рассмеялся, рассказывая мне о своем разговоре с управляющим Мейсонов.

Тогда я сравнил мысленно обоих братьев и увидел, что голос и фигура у них абсолютно одинаковы и что отличаются они только тем, что можно легко изменить с помощью бритвы или же парика. Сомнений не было: передо мной был тот же самый человек, который приходил ко мне в Лондоне. Конечно, бывает, что два брата похожи друг на друга, как две капли воды, но чтобы у них было одинаково запломбирован один и тот же зуб – этого быть не могло.

Шеф мой с поклоном проводил меня до двери, и я очутился на улице, едва соображая, где я и что со мной происходит.

Кое-как я добрался до гостиницы, сунул голову в таз с холодной водой, чтобы прийти в себя, и стал думать, зачем он послал меня из Лондона в Бирмингем к самому себе, зачем написал это идиотское письмо? Как ни ломал я голову, ответа на эти вопросы не находил. И тут меня осенило: поеду к Шерлоку Холмсу; только он может понять, в чем тут дело. В тот же день вечерним поездом я выехал в Лондон, чтобы еще утром увидеться с Шерлоком Холмсом и привезти его в Бирмингем.

Клерк закончил рассказ о своем удивительном приключении. Наступило молчание. Шерлок Холмс многозначительно взглянул на меня и откинулся на подушки. Выражение его лица было довольное и вместе с тем критическое, как у знатока, только что отведавшего глоток превосходного вина.

– Ну что, Уотсон, ловко придумано, а? – заметил он. – В этом есть что-то заманчивое для меня. Надеюсь, вы согласитесь, что интервью с Гарри-Артуром Пиннером во временной конторе Франко-Мидландской компании скобяных изделий было бы для нас небезынтересно.

– Да, но как это сделать? – спросил я.

– Очень просто, – вмешался в разговор Холл Пикрофт. – Вы оба – мои друзья, ищете работу, и я, естественно, решил рекомендовать вас моему хозяину.

– Отлично, так и сделаем! – воскликнул Холмс. – Я хочу повидать этого господина и, если удастся, выяснить, какую игру он затеял. Что особенного он нашел в вас? Почему дал такой большой аванс? Быть может...

Он принялся грызть ногти, уставившись отсутствующим взглядом в окно,

и до самого Нью-стрита нам больше не удалось вытянуть из него ни слова.

В тот же день в семь часов вечера мы втроем шагали по Корпорейшн-стрит, направляясь в контору Франко-Мидландской компании.

- Приходить раньше нет надобности, - заметил клерк. - Он там бывает, по-видимому, только за тем, чтобы повидаться со мной. Так что до назначенного часа в конторе все равно никого не будет.

- Это интересно, - сказал Холмс.

- Ну, что я вам говорил, - воскликнул Пикрофт. - Вон он идет впереди нас.

Он указал на невысокого, белокурого, хорошо одетого мужчину, спешившего по другой стороне улицы. Пока мы его разглядывали, Пиннер, заметив напротив газетчика, размахивающего свежими номерами вечерней газеты, кинулся к нему через улицу, огибая пролетки и омнибусы, и купил одну. Затем с газетой в руках он скрылся в дверях пассажа.

- Он уже в конторе! - воскликнул Пикрофт. - Идемте со мной, я сейчас вас представлю.

Вслед за нашим спутником мы взобрались на пятый этаж и очутились перед незапертой дверью. Пикрофт постучал. Из-за двери послышалось: "Войдите". Мы зашли в пустую, почти не меблированную комнату, вид которой полностью совпадал с описанием Пикрофта. За единственным столом с развернутой газетой в руках сидел человек, только что виденный нами на улице. Он поднял голову и я увидел лицо, искаженное таким страданием, вернее, даже не страданием, а безысходным отчаянием, как бывает, когда с человеком стряслось непоправимая беда. Лоб его блестел от испарины, щеки приняли мертвенно-бледный оттенок, напоминавший брюхо вспоротой рыбы, остекленевший взгляд был взглядом сумасшедшего. Он уставился на своего клерка, точно видел его впервые, и по лицу Пикрофта я понял, что таким он видит хозяина в первый раз.

- Мистер Пиннер, что с вами, вы больны? - воскликнул он.

- Да, я что-то неважно себя чувствую, - выдавил из себя мистер Пиннер. - Что это за джентльмены, которые пришли с вами? - добавил он,

облизывая пересохшие губы.

- Это мистер Гаррис из Бэрмендси, а это мистер Прайс - он здешний житель, - словоохотливо ответил наш клерк. - Мои друзья. Они хорошо знают конторское дело. Но оба сейчас без работы. И я подумал, может, у вас найдется для них местечко.

- Конечно, почему бы нет! - вскричал Пиннер, через силу улыбаясь. - Я даже уверен, что найдется. Вы по какой части, мистер Гаррис?

- Я бухгалтер, - ответил Холмс.

- Так-так, бухгалтеры нам нужны. А ваша специальность, мистер Прайс?

- Я клерк, - ответил я.

- Полагаю, что и для вас дело найдется. Как только мы примем решение, я тотчас дам вам знать. А сейчас я попрошу вас уйти. Ради Бога, оставьте меня одного!

Последние слова вырвались у него помимо воли. Точно у него больше не было сил сдерживаться. Мы с Холмсом переглянулись, а Пикрофт шагнул к столу.

- Мистер Пиннер, вы, наверное, забыли, что я пришел сюда за дальнейшими инструкциями, - сказал он.

- Да-да, конечно, мистер Пикрофт, - ответил хозяин конторы неожиданно бесстрастным тоном. - Подождите меня здесь минутку. Да и ваши друзья пусть подождут. Я буду к вашим услугам через пять минут, если позволите мне злоупотребить вашим терпением в такой степени.

Он встал, учтиво поклонился, вышел в соседнюю комнату и затворил за собой дверь.

- Что там такое? - зашептал Холмс. - Он не ускользнет от нас?

- Нет! - уверенно ответил Пикрофт. - Эта дверь ведет только во вторую комнату.

- А из нее нет другого выхода?

- Нет.

- Там тоже пусто?

- Вчера по крайней мере там ничего не было.

- Зачем он туда пошел? Мне здесь не все ясно. Такое впечатление, что Пиннер внезапно повредился в уме. Что-то испугало его до потери сознания.

Но что?

- Возможно, он решил, что мы из полиции, - предположил я.

- Возможно, - согласился Пикрофт.

Холмс покачал головой.

- Нет, он уже был бледен, как смерть, когда мы вошли, - возразил он.

- Разве только...

Его слова были прерваны резким стуком, раздавшимся из соседней комнаты.

- Какого черта он стучится в собственную дверь! - вскричал Пикрофт. Стуки не прекращался. Мы все в ожидании уставились на закрытую дверь.

Лицо у Холмса стало жестким. Он в сильном возбуждении наклонился вперед.

Потом из соседней комнаты вдруг донесся тихий булькающий звук, словно кто-то полоскал горло, и чем-то часто забарабанили по деревянной перегородке. Холмс, как бешеный, прыгнул через всю комнату к двери и толкнул ее. Дверь оказалась на запоре. Мы с Пикрофтом тоже бросились к двери, и все втроем навалились на нее. Сорвалась одна петля, потом вторая, и дверь с треском рухнула на пол, Мы ворвались внутрь. Комната была пуста.

Наша растерянность длилась не больше минуты. В ближайшем углу комнаты виднелась еще одна дверь. Холмс подскочил к ней и отворил ее рывком. За дверью на полу лежали пиджак и жилетка, а на крюке на собственных подтяжках, затянутых вокруг шеи, висел управляющий Франко-Мидландской компании скобяных изделий. Колени его подогнулись, голова неестественно свесилась на грудь, пятки, ударяя по двери, издавали тот самый непонятный стук, который заставил нас насторожиться. В мгновение ока я обхватил и приподнял его бесчувственное тело, а Холмс и Пикрофт стали развязывать резиновую петлю, которая почти исчезла под багрово-синими складками кожи. Затем мы перенесли Пиннера в другую комнату и положили на пол. Лицо у него стало свинцово-серым, но он был жив, и его фиолетово-синие губы с каждым вдохом и выдохом выпячивались и опадали. Это было жалкое подобие того здорового, цветущего человека, которого мы видели на улице всего полчаса назад.

- Как его состояние, Уотсон? - спросил меня Холмс.

Я наклонился над распростертым телом и начал осмотр. Пульс по-прежнему оставался слабым, но дыхание постепенно выравнивалось, веки

слегка дрожали, приоткрыв тонкую белую полосу глазных яблок.

- Чуть было не отправился к праотцам, - заметил я, - но, кажется, все обошлось. Откройте-ка окно и дайте сюда графин с водой.

Я расстегнул ему рубашку на груди, смочил холодной водой лицо и принялся поднимать и опускать его руки, делая искусственное дыхание, пока он не вздохнул наконец всей грудью.

- Теперь все остальное - только вопрос времени, - заметил я, отходя от него.

Холмс стоял у стола, засунув руки в карманы брюк и опустив голову на грудь.

- Ну что же, - сказал он, пора вызывать полицию. Должен признаться, что мне будет приятно посвятить их в подробности этого дела.

- Я все-таки ничего не понимаю, - признался Пикрофт, почесав затылок.

- Черт возьми! Для чего, спрашивается, я был им здесь нужен?

- Все очень просто, - махнул рукой Холмс, - мне непонятна только

заключительная сцена. - Холмс указал на подтяжки.

- А все остальное понятно?

- Думаю, что да. А вы, Уотсон, что скажете?

Я пожал плечами.

- Ровным счетом ничего не понимаю.

- А ведь если внимательно проследить ход событий, то вывод напрашивается сам собой.

- Какой же?

- Одну минутку. Вначале вернемся к двум исходным точкам: первое - заявление Пикрофта с просьбой принять его на работу в эту нелепую компанию. Надеюсь, вы догадываетесь, зачем его заставили написать это заявление?

- Боюсь, что нет.

- И все-таки оно зачем-то понадобилось! Ведь, как правило, чтобы принять человека на службу, достаточно устного соглашения, и на сей раз не было никаких причин, чтобы делать исключение. Отсюда вывод: им дозарезу нужен был образец вашего почерка.

- Но зачем?

- В самом деле, зачем? Ответив на этот вопрос, мы с вами решим и всю задачу. Так, значит, зачем же им стал нужен ваш почерк? А затем, что кому-то понадобилось написать что-то, подделываясь под вашу руку. Теперь

второй момент. Как вы сейчас увидите, одно дополняет другое. Помните, как у мистера Пикрофта было взято обещание не посылать Мейсонам письменного отказа от места, а отсюда следует, что управляющий названного банка и по сей день пребывает в уверенности, что в понедельник к нему на службу явился не кто иной, как мистер Пикрофт.

- Боже мой! - вскричал бедняга Пикрофт. - Каким же я оказался идиотом!

- Сейчас вы окончательно поймете, зачем им понадобился ваш почерк. Вообразите себе, что человек, проникший под вашим именем к Мейсонам, не знает вашего почерка. Ясно, его тут же поймают, и он проиграет игру, еще не начав ее. Но если мошенник знаком с вашей рукой, то бояться ему нечего.

Ибо, насколько я понял, у Мейсона вас никто никогда в глаза не видел.

- В том-то и дело, что никто! - простонал Пикрофт.

- Прекрасно. Далее, мошенникам было крайне важно, чтобы вы не передумали или случайно не узнали, что у Мейсонов работает ваш двойник.

Поэтому вам дали солидный аванс и увезли в Бирмингем, где поручили вам

такую работу, которая удержала бы вас вдали от Лондона хотя бы с неделю.

Все очень просто, как видите.

- Да, но зачем ему понадобилось выдавать себя за собственного брата?

- И это понятно. Их, очевидно, двое. Один должен был заменить вас у Мейсонов, второй - отправить вас в Бирмингем. Приглашать третьего, на роль

управляющего фирмой, им не хотелось. Поэтому второй изменил, сколько мог,

свою внешность и выдал себя за собственного брата, так что даже

разительное сходство не могло бы вызвать подозрений. И если бы не золотая

пломба, вам бы и в голову никогда не пришло, что ваш лондонский посетитель

и управляющий бирмингемской конторы - одно и то же лицо.

Холл Пикрофт затряс сжатыми кулаками.

- Боже мой! - вскричал он. - И чем же занимался мой двойник в конторе

Мейсонов, пока я тут позволил водить себя за нос? Что же теперь нам

делать, мистер Холмс? Что?

- Во-первых, без промедления телеграфировать Мейсонам.

- Сегодня суббота, банк закрывается в двенадцать.

- Это неважно, там наверняка есть сторож или швейцар...

- Да, они держат специального сторожа. Об этом как-то говорили в Сити. У них в банке хранятся большие ценности.

- Прекрасно. Мы сейчас позвоним и узнаем у него, все ли там в порядке и работает ли клерк с вашей фамилией. В общем, дело ясное. Не ясно одно, почему, увидев нас, один из мошенников тотчас ушел в другую комнату и повесился.

- Газета!.. - послышался хриплый голос позади нас.

Самоубийца сидел на полу бледный и страшный, в глазах его появились проблески сознания, руки нервно растирали широкую красную полосу, оставленную петлей на шее.

- Газета! Ну конечно! - вскричал Холмс возбужденно. - Какой же я идиот! Я все хотел связать самоубийство с нашим визитом и совсем забыл про газету. Разгадка, безусловно, в ней. - Он развернул газету на столе, и крик торжества сорвался с его уст.

- Посмотрите, Уотсон! - вскричал он. - Это лондонская "Ивнинг стандарт". Какие заголовки! "Ограбление в Сити! Убийство в банке Мейсонов! Грандиозная попытка ограбления! Преступник пойман!" Вот здесь, Уотсон. Читайте. Я просто сгораю от нетерпения.

Это неудавшееся ограбление, судя по тому, сколько места отвела ему газета, было главным происшествием дня. Вот что я прочитал:

"Сегодня днем в Сити была совершена дерзкая попытка ограбления банка. Убит один человек. Преступник пойман. Несколько дней назад известный банкирский дом "Мейсон и Уильямсы" получил на хранение ценные бумаги на сумму, значительно превышающую миллион фунтов стерлингов. Управляющий банком, сознавая ответственность, легшую на его плечи, и понимая всю опасность хранения такой огромной суммы, установил в банке круглосуточное дежурство вооруженного сторожа. Полученные ценности были помещены в сейфы самой последней конструкции. В это время в банк на службу был принят новый клерк, по имени Холл Пикрофт, оказавшийся не кем иным, как знаменитым взломщиком и грабителем Беддингтоном, который со своим братом вышел на

дней на свободу, отсидев пять лет в каторжной тюрьме. Каким-то образом, каким, еще не установлено, этому Беддингтону удалось устроиться в банк клерком. Проработав несколько дней, он изучил расположение кладовой и сейфов, а также снял слепки с нужных ему ключей.

Обычно в субботу служащие Мейсонов покидают банк ровно в двенадцать часов дня. Вот почему Тьюсон, сержант полиции, дежуривший в Сити, был слегка удивлен, когда увидел какого-то господина с саквояжем в руках, выходящего из банка в двенадцать минут второго. Заподозрив неладное, он последовал за неизвестным и после отчаянного сопротивления задержал его с помощью подоспевшего констебля Поллока. Сразу стало ясно, что совершено дерзкое и грандиозное ограбление. Саквояж оказался битком набит ценными бумагами, американскими железнодорожными акциями и акциями других компаний. Стоимость бумаг превышала сто тысяч фунтов стерлингов.

При осмотре здания обнаружили труп несчастного сторожа, засунутый в один из самых больших, сейфов, где он пролежал бы до понедельника, если бы не расторопность и находчивость сержанта Тьюсона. Череп бедняги был разможен ударом кочерги, нанесенным сзади. Очевидно, Беддингтон вернулся назад в контору, сделав вид, что забыл там что-то. Убив сторожа и быстро очистив самый большой сейф, он попытался скрыться со своей добычей. Его брат, обычно работающий вместе с ним, на этот раз, как пока известно, в деле не участвовал. - Однако полиция принимает энергичные меры, чтобы установить его местопребывание".

- Мы можем, пожалуй, избавить полицию от лишних хлопот, - сказал Холмс, бросив взгляд на поникшую фигуру, скорчившуюся у окна. - Человеческая натура - странная вещь, Уотсон. Этот человек так любит своего брата, убийцу и злодея, что готов был руки на себя наложить, узнав, что тому грозит виселица. Но делать нечего, мы с доктором побудем здесь, а вы, мистер Пикрофт, будьте добры, сходите за полицией.